

Шеремета К. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Поэтика киносценария В. Сигарева «Волчок»

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивов и образов киносценария «Волчок», автором которого является русский драматург и режиссер, представитель «новой драмы» Василий Сигарев. В статье предпринята попытка интерпретации мотивов, являющихся ключевыми для понимания основного конфликта произведения.

Ключевые слова: драматургия, пьесы, киносценарии, литературные мотивы, поэтика.

Sheremeta K. S. (Yekaterinburg, USPU)

*The Poetics of the screenplay «Volchok»,
written by Vasily Sigarev*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the motives and images of the screenplay «Volchok», the author of which is a Russian playwright and director, representative of the «New Drama» Vasily Sigarev. The article attempts to decode the motives that are the key to understanding the main conflict of the screenplay.

Keywords: drama, plays, screenplays, literary motifs, poetics.

В. Сигарев – один из самых ярких представителей «новой драмы», который первоначально был представлен в культурном пространстве как интересный и самобытный драматург (пьесы «Пластини», «Черное молоко», «Божьи коровки возвращаются на землю» и т. д.), а впоследствии – как яркий режиссер с нетривиальной авторской манерой.

В современной новой драме фактически стирается грань между пьесой и киносценарием: авторы нередко смешивают эти формы (см. киносценарии Я. Пулинович: «За линией», «Я не вернусь», «Сломанные. Киносценарий» М. Курочкина). Василий Сигарев утверждает, что для него нет принципиальной разницы

между киносценарием и драмой – и то и другое литература: «Все делается по одним законам. Для кого-то написание пьес и сценариев фильмов может и отличается, но для меня нет. Когда я пишу, я вижу не сцену, я вижу жизнь».

В 2000-х в творчестве многих драматургов, в том числе и в творчестве В. Сигарева, обнаруживается тенденция перехода из драматургии в кинодраматургию. Вот как этот процесс объясняет сам драматург: «Есть пубертатный период в творчестве, когда ты много всего делаешь... Это кажется, что все легко так, а на деле одна пьеса из десяти получается. Хочется же, чтобы сразу получалось. Учишься сохранять энергию и грамотно ее расходовать. Как только у меня появилась возможность в кино ее направлять, я это стал делать, потому что кино мне всегда было интереснее театра».

В пограничном статусе пьесы-киносценария находится работа В. Сигарева «Волчок», послужившая материалом для нашего анализа.

Структурные особенности, специфика соотношения текста и паратекста, характер ремарок действительно выделяют «Волчка» из числа драматических произведений Сигарева.

Характерная черта ремарок киносценария вообще и данного текста конкретно – схематичность, что отличает их от ремарок в пьесе. Драматургический паратекст – при всем многообразии функций – редко задает темпоритм смены кадров / картин. В тексте же Сигарева ремарки, намечая жесткую последовательность действий героев и происходящих событий, создают ощущение монтажности общей структуры. Частота чередования текст / паратекст сообщает ритм эпизоду или картине.

Голос, от лица которого ведется все повествование, звучит как закадровый текст, что тоже не характерно для пьесы.

И, наконец, все тринадцать эпизодов спаяны между собой как быстро сменяющиеся кадры, что, в целом, образует общую картину киносценария.

Обратимся к основным мотивам произведения.

«Волчок» – социально-бытовая драма, несущая и другую, бытийную семантику.

На первый взгляд сюжет прост: он посвящен вечному вопросу отношений родителей и детей. Но эти отношения в сценарии

Сигарева приобретают характер нечленораздельного, иногда «немного» диалога в пространстве насилия: эмоционального, вербального, физического.

Текст дается от лица Голоса, девочки, затем девушки, из пространства другой реальности, сторонней или высшей. Голос этот рассказывает о своей жизни и о глубокой безответной любви к матери.

Отношения Мать – Дочь нельзя проследить полноценно, так как мы видим конфликт только с точки зрения Девочки. Эти отношения, как и образы главных героинь, выстроены на контрасте. Начиная с того, что обозначены они не как **Мать** и **Дочь**, а как **Мать** и **Девочка**, заканчивая описанием героинь: Мать – «ярко покрашена...красивая, веселая, вкусно пахла вагоном-рестораном». Девочка – похожа на мальчика, дикий «волчонок», брошенный в диком одиночестве, с рождения – «сверток, который иногда попискивает».

Мать. Красивая я, да, у тебя?

Девочка. Да.

Мать. (усмехается). Я сама знаю. А ты? А ты красивая?

Девочка. Нет...наверно...

Мать. А че некрасивая?

Девочка. Не знаю..

Голос. *Мать не знала, кто сделал ей такой подарочек. А вычислить было очень сложно – в ее жизни было много случайностей... Очень много случайностей.*

Девочка оказывается одной из таких случайностей. Спустя пять лет, при встрече, Девочка бежит и утыкается в живот Матери, полюбившейся ей с самого рождения, на что Мать прижимает Девочку «на мгновение», переводя разговор в бытовое русло.

В тексте этого киносценария привычные роли матери и дочери предстают перед нами в другом свете. Это Девочка всеми силами заступает за Мать и пытается оградить ее от неприятностей.

Девочка. Дядечка, не надо бить ее, пожалуйста...

Мать. Ты че, а?! Тронь только, а! Ты че, а?!

Дядя Коля. Деньги где?! (Бьет ладонью по стене.)

**Девочка поднимает банку и кидает в дядю Колю.
Попадает в голову.
Дядя Коля садится, держится за висок.
По его голой спине течет молоко с прожилками крови.**

Это Девочка, после очередного исчезновения Матери, ждет ее каждый вечер, сидя на подоконнике, включая и выключая настольную лампу, чтобы мать видела, что та не спит.

Лейтмотивами «Волчка» становятся насилие и страдание. Их источником является Мать. Момент рождения Девочки (имя ее не дано, как и имена других основных действующих лиц: Мать, Бабка и др.) происходит в ситуации драки матери и санитарки, за что, в конечном счете, Мать заключают в тюрьму.

Девочка является не только свидетелем насилия, но и подвергается ему, а иногда становится инициатором.

Примером насилия, свидетелем которого становится Девочка, являются отношения Матери с мужчинами, которые сменялись «за кухонным столом очень быстро, как кадры диафильма».

Голос. Правда, после дяди Коли был дядя Слава...

Дядя Слава наматывает на руку полотенце.

Девочка. Зачем вы вот это полотенце делаете?

Дядя Слава. Чтобы твоей маме не больно было...

Голос. После дяди Славы был дядя Игорь...

Дядя Игорь голый бежит по улице, прикрывая рукой достоинство.

Голос. После был толстый дядя Толя...

Очень бледного дядю Толю выносят на носилках четверо санитаров.

Подвергается насилию девочка со стороны Матери, которая или не знает, что такое любить, или отвергает это чувство в себе всеми силами.

Вдруг мать поворачивается и бьет девочке ладонью по лицу.

Та падает на спину. Из носа идет кровь.

Девочка смотрит в небо.

Но большим насилием оказывается не физическое, а эмоциональное и вербальное. Насилие над чувствами девочки, которая не понимает, почему оказалась для своей матери покрытым шерстью волчонком, найденным на кладбище.

Инициатором насилия Девочка оказывается в силу своей слабости и бессилия перед нелюбовью Матери. Именно поэтому она убивает подаренного мамой ёжика, забрасывает камнями поезд, машину, женщину, разоряет могилу своего «друга» с кладбища.

Кладбище является мотивом, характеризующим особое состояние героини. Кладбище – место-граница между земным, реальным миром и миром загробным, незримым. Только здесь Девочка обретает мнимое, ей одной видимое счастье, которого она лишена в материальном мире. Делая шаг назад, она возвращается к деспотичной и безразличной матери, шаг вперед – переходит границу, как бы предрекая собственный конец.

Голос. Постепенно страх проходил, и кладбище казалось своим. Я чувствовала его дыхание. Я дышала вместе с ним. Там я была дома.

Далее знаменательным, на наш взгляд, становится включенный в самое начало текста образ Гвоздики, который в христианской мифологии является символом страдания и боли. Гвоздики, предназначенные выходящей из роддома матери с младенцем, были брошены на землю, будто принесенные на могилу. Так, с рождения Девочка была уже будто похоронена. В этой сцене значима, кроме того, и семантика красного цвета – вернее, контраста красного (гвоздики) и белого (снег). Этот контраст встречается и в других сценах.

Так, ожидая встречи с Матерью, Девочка наблюдает, как «из-за многоэтажек поднимается красное солнце»; разбивая банку с молоком о голову дяди Колю, Девочка смешивает кровь мужчины с молоком. В этом эпизоде видится сила, жизнь («кровь с молоком»), надежда на ответную любовь Матери. В финальной же сцене кровь Девочки «смешивается с дождевой водой», что может говорить об утрате жизненных сил, растворении в небытии.

На протяжении всего киносценария Мать и Девочка были противопоставлены друг другу как телесное и бестелесное. Девочка уходит, словно ангел, чистый и светлый. Кровь, пролитая в страданиях, оказывается спасительной и животворящей.

На дороге лежит девочка. У нее из головы идет кровь. Она смешивается с дождевой водой и ее почти не видно.

Девочка уходит из жизни, освобождаясь.

Мать какое-то время сидит над ней. Затем встает и идет по дороге.

Машины объезжают ее, сигналият.

Постепенно ее лицо искажается плачем. Потом плач переходит в рыдания.

Наконец она кричит...

Что это? Раскаяние? Боль? Или осознание, что ее все оставили? Мать, которая не принимала любви Девочки, впитала ее последний вздох, по-настоящему ее услышала. Только вместо любви Мать вобрала боль и страдание своей дочери, переняла ее чувства.

Основной мотив, который выведен в заглавие, также является ключевым для понимания основного конфликта произведения. Волчок – не только игрушка, подаренная Матерью, это образ жизни Девочки, она обречена на этот статус «найденныша».

Голос. *Я не знаю, зачем мать рассказала мне эту историю про мешок на кладбище. Я даже не знаю, рассказывала ли она мне ее на самом деле или мне это всего лишь приснилось. Только на следующий день я проснулась с полной уверенностью, что все было именно так. И я пошла на кладбище. Мне хотелось там что-то найти. Не знаю, что именно. Может быть, себя...*

Найти причину, место, с которого началась страшная нелюбовь Матери? Или найти такое же беззащитное существо в мешке, чтобы полюбить его всем сердцем, вопреки Матери? Матери, которая до самой смерти закрепила за Девочкой образ волчка, чуждого ей, нечеловеческого существа. И только в момент трагедии, Девочка, отдавая игрушку, словно из волчка оборачивается в Дочь, в ребенка, все такого же беспомощного, но уже обреченного на смерть.

Литература

1. *Сигарев В.* Волчок [Электронный ресурс]. – URL: <http://vsigarev.ru/doc/volchok.html>.